

Другие альфы в возрасте Гэри редко даже из военных училищ выпускались, так что заставлять императора жениться прямо сейчас было крайне неуместно — Эбру в глубине души и сам не чувствовал себя полностью правым.

Однако прежний император неожиданно скончался, не дожив и до четырёхсот лет, и открыто даже женат никогда не был. Если бы не счастливая случайность в виде Гэри — кронпринца с неизвестной матерью — это едва не привело бы к трудно разрешимому бедствию. Имея перед глазами столь удручающий пример, личное волеизлияние императора волей-неволей приходилось игнорировать: никакое величие не могло помешать вынести вопрос о его личной жизни на внутреннее обсуждение в парламенте.

Хотя причины имелись, было очевидно, что в положении самого виновника торжества его настроение вряд ли можно назвать прекрасным. Высказавшись, Эбру уже приготовился встретить императорский гнев.

Но, прождав добрую половину дня, он услышал лишь сдержанное «мгм», прозвучавшее к тому же на удивление спокойно. Эбру изумленно поднял взгляд: на лице монарха промелькнуло едва заметное выражение неудовольствия и досады, но куда сильнее было полное равнодушие. Опустив глаза обратно к документам на голографическом экране, Гэри хладнокровно ответил:

— Я подумаю об этом при случае.

Помолчав, он добавил:

— В военном ведомстве осталось немало неженатых генералов. Если речь идет о династическом браке, они — прекрасные кандидаты. Уверен, они будут весьма рады, и вовсе необязательно возлагать все надежды на меня.

Гэри Лесентер явно дал понять, что не желает продолжать этот разговор, и Эбру не смел больше спорить. Гэри нелегко было вывести из себя и разозлить, но и мягкотелым его назвать не получалось — управлять им по собственному усмотрению было невозможно. Однако было у него одно хорошее качество: он всегда отвечал за свои слова и никогда не давал обещаний легко. Если он сказал, что подумает, значит, действительно подумает. Пусть результат и не во всем совпадет с желаниями кое-кого из советников, это уже можно было считать неожиданным успехом.

Сияя от радости, Эбру откланялся и вышел. Разговор этот слегка утомил Гэри; убрав перед собой экран, он на мгновение погрузился в задумчивость.

По сравнению с загруженными делами императора, у Шальзо выдалось свободное время. Рапорт уже был отправлен Его Величеству, но Гэри принимал посетителей и не мог сразу уделить ему время для подробной беседы. Шальзо прождал почти два часа. Хотя он вполне мог найти себе иное занятие, вернувшись в военное ведомство, он чувствовал странную рассеянность и был совершенно не способен ни на что переключиться.

Его так и тянуло протянуть руку к миниатюрному компьютеру на левом запястье. Там хранились материалы, которые он должен был сдать по всей форме, но вместо этого, в нарушение

служебных инструкций, оставил у себя — те самые фантастические рисунки Адриена, изображающие императора в самых разных воображаемых ситуациях. Ничего по-настоящему секретного в них не было, но подобный поступок уже тянул на служебный подлог. Будучи членом гвардии, Шальзо отличался безупречной преданностью императорскому дому, и впервые в жизни совершил нечто подобное за спиной монарха, чувствуя себя из-за этого довольно неудобно.

И все же у Шальзо было сильное предчувствие: хотя Его Величество вряд ли станет придавать этому значение, он точно не одобряло столь творческий и легкомысленный подход. Стоит этим картинам попасть к императору в руки, и они, скорее всего, больше никогда не увидят свет — от одной этой мысли становилось невыносимо жаль.

После ожесточенной внутренней борьбы странный импульс все же победил, и Шальзо решил тайком оставить рисунки себе. Сидя в пустом маленьком зале для совещаний и бесцельно глядя в пространство, он подумал, что вряд ли кто-то помешает, и, не удержавшись в самый последний момент, сделал несколько пазов над прибором. Под тихий жужжащий звук в воздухе перед ним отчетливо проступила фигура юного Гэри.

Лицо Его Величества даже сейчас хранило легкий намек на детскую пухлость, но в юности эта черта была выражена куда сильнее.

Гэри лежал на письменном столе, опустив голову на скрещенные руки поверх книги, видна была лишь половина его профиля. Брови из-за юного возраста не казались такими резкими, зато нельзя было не заметить удивительно длинные ресцы, изящно загнутые у внешних уголков глаз. Кожа юноши была здоровой и гладкой, а из-за того, что щеку слегка прижало, детская пухлость казалась еще более округлой. На голограмме он выглядел таким умиротворенным и безмятежным, что поневоле создавалось обманчивое впечатление, будто перед ними добрый, мягкий и совершенно безобидный человек.

Контраст с нынешним императором был слишком разительным. Шальзо с трудом мог испытать привычный трепет и благоговение, глядя на этот образ, зато искренне верил, что в молодости Его Величество выглядел именно так, и оттого проникся к нему невероятной, необъяснимой симпатией.

Сегодня Шальзо явно набрался храбрости и, поддавшись какому-то наваждению, протянул руку, желая ущипнуть юношу за щеку — должно быть, невероятно мягкую на ощупь, хотя на самом деле никакой плоти перед ним не было.

Пальцы лишь рассекли пустой воздух, и Шальзо даже не успел толком насладиться странным чувством исполненного счастья, как за спиной раздался низкий вопрос:

— Что ты делаешь?

Императорские законы строго запрещали полное клонирование человека, но перед лицом власти законы порой уходили на второй план. Обладая высшим влиянием в империи, Его Величество неизбежно пользовался некоторыми привилегиями. Например, о чем Эбру даже не

подозревал: еще в самом начале своего правления император втайне начал задумываться о проблеме преемника. В этом вопросе он проявлял даже большую спешку, чем седовласые ветераны сената, просто не выказывал этого открыто. Не сумев найти омегу с подходящим генетическим профилем, он уже два года назад начал эксперименты по созданию репликанта в обход правил, однако результаты оставляли желать лучшего.

— Учитывая, что ваши предки неоднократно подвергались слиянию и модификации неизвестных генов, прогнозировать результат по стандартным схемам практически невозможно. Что касается попыток клеточной адаптации... к сожалению, успехов по-прежнему нет... Впрочем, генетическая совместимость — вещь не абсолютная, возможно, Ваше Величество могло бы для начала попробовать пообщаться с парой омег, желающих наверняка найдется немало... — БАЗЕЛЬ поправил слегка сползшие очки и затараторил длинную череду ошеломляющих медицинских терминов, в конце концов придя к неутешительному выводу.

На голографических экранах мелькали бесчисленные увеличенные изображения клеток, которые отторгали и даже пожирали друг друга. Гэри сидел на диване, молча выслушивая объяснения одетого в форму исследователя мужчины. То, что эксперимент не принес результатов, не стало неожиданностью, поэтому император не выказал особых эмоций. Дождавшись окончания речи Базеля, он лишь кивнул в знак того, что все понял, и своим молчанием холодно отклонил последнее непристойное предложение ученого.

Базель чувствовал, что император сейчас явно не в духе. Он был обязан лично докладывать монарху о результатах исследований по жизнеспособности репликантов раз в месяц. Прошлый отчет был всего десять дней назад, и если бы не Эбру, который явился к нему с угрозами, угрозами и бесконечными преследованиями, он бы ни за что не пришел к Гэри с пустыми руками.

Конечно, по лицу Его Величества невозможно было прочесть хоть что-нибудь, так что Базелю оставалось лишь говорить правду:

— Что касается упомянутой Эбру вероятности митоза... эксперименты с репликантами ведутся постоянно, но самый успешный клон имеет с вами лишь тридцатипроцентное сходство, и при этом у него полностью отсутствует самосознание. Единственное, на что он годится — служить запчастью для замены органов в экстренной ситуации, причем риск отторжения все еще крайне высок. Вашему Величеству лучше сразу выбросить из головы мысль растить его как собственного ребенка.

Базель сделал паузу и осторожно добавил:

— Ваше Величество, неужели старые хрычи из сената снова давят на вас? Позвольте заметить, вы еще не достигли наилучшего возраста для продолжения рода, так стоит ли слушать всю эту болтовню? Вы вполне можете их игнорировать.

— В словах Эбру есть доля правды: империи нужны наследники и защитники... — Гэри не стал продолжать. Он слегка нахмурился, на миг на его лице промелькнуло выражение глубокой задумчивости, после чего он сменил тему: — Как бы то ни было, я рассчитываю, что вы найдете способ разрешить эту проблему как можно скорее.

Монарх, должно быть, понимал, что требует невозможного, поэтому старался говорить как можно мягче, однако звучащую в его голосе спешку было невозможно не заметить.

У Базеля на самом деле зрела одна весьма сомнительная идея. Поколебавшись и бросив на Гэри многозначительный взгляд, он наконец решился заговорить:

— Вообще-то выход есть... У меня есть еще одно предложение. Если никак не удастся найти достаточно сильный материнский клеточный материал, можно поступить наоборот: взять за основу материнской клетки геном самого Вашего Величества. В таком случае выбор возможных доноров отцовского материала станет гораздо шире. Звучит дико, но в медицинской истории империи уже были подобные прецеденты.

Начав говорить, Базель перестал мяться, и тон его стал предельно серьезным:

— Только вот эта «материнская база» будет существовать не на клеточном уровне: в качестве инкубатора придется задействовать тело самого Вашего Величества, что потребует временной перестройки организма. Ни как исследователь, ни как ваш личный врач я бы категорически не рекомендовал вам этого делать.

Подобный метод явно застал императора врасплох. Лицо Гэри оставалось беспристрастным, но в душе наступило полное оцепенение.

Хоть Базель и озвучил этот вариант, он сам считал его скверной идеей. Однако едва он открыл рот, собираясь сказать что-нибудь, чтобы разрядить тягостную атмосферу, как услышал, как Гэри неестественным, сухим и жестким голосом произвел:

— Подготовь подробный отчет о целесообразности... я... подумаю еще...

<http://bllate.org/book/19099/1875938>